

Изъ Подольской старины¹⁾.

Ш.

Поступленіе въ Подольскую дух. семинарію. Жизнь казеннокоштныхъ семинаристовъ. Инспекторскій надзоръ. Ректоръ семинаріи Іоасафъ. Профессора. Постановка учебнаго дѣла. Экзамены внутренніе и публичныя. В. И. Аскоченскій. Отношеніе къ семинаріи подольскихъ владыкъ. Путешествіе въ Почаевъ. Пріемъ у преосв. Арсенія.

Но окончаніи курса въ духовномъ училищѣ полагалось держать экзаменъ при семинаріи. Онъ обыкновенно производился между 1 и 15 сентября и въ большинствѣ случаевъ въ присутствіи архіерея. Мы, помню, каждый день собирались въ классы, ожидая испытаній, но напрасно. И только предъ 14 сент. намъ объявили, что будетъ архіерей, и поэтому мы должны всѣ собраться въ семинарію. Несмотря на обѣщаніе, архіепископъ Арсеній все-таки не пріѣхалъ, а въ классъ пришелъ лишь одинъ инспекторъ Діонисій, который и произвелъ экзаменъ. Это собственно была одна проформа. Спросилъ онъ очень немногихъ и то кое-что. Мнѣ, напр., пришлось отвѣтить изъ катихизиса на вопросъ, „что есть вѣра?“ Катихизисъ митр. Филарета я зналъ отлично, а потому отвѣтилъ требуемое безъ запинки. А какъ это (т. е. указанный вопросъ) сказать по-латыни? снова спросилъ инспекторъ. „Quid est fides?“ бойко сказала я. „Довольно“. Послѣ меня вызваны были еще 3—4 ученика, и тѣмъ экзаменъ кончился.

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1911 г.

Я такимъ образомъ былъ принятъ въ Подольскую дух. семинарію (въ 1847 г.).

Семинаристы, имѣвшіе родителей и болѣе состоятельные, обыкновенно жили на частныхъ квартирахъ; намъ же сиротамъ, да дьячковскимъ сыновьямъ—бѣднякамъ приходилось ютиться тамъ, гдѣ отводила помѣщеніе семинарія, т. е. въ подворьѣ Троицкаго монастыря ¹⁾. Здѣсь къ каменной стѣнѣ были пристроены глинобитные шалаши числомъ 7—8. Вѣроятно, это были базилианскія келии. Въ каждой изъ нихъ помѣщалось отъ 4—8 семинаристовъ. Обстановка была убогая: столъ, скамьи и кровати простой работы. Свѣтъ проникалъ сквозь небольшія окошечки, обращенныя во дворъ и затянутыя желѣзными рѣшетками. Воздуху въ комнатахъ было недостаточно, вентиляціи плохія, да онѣ не достигали своей цѣли, такъ какъ проводили воздухъ, зараженный міазмами изъ находившихся вблизи отхожихъ мѣстъ. Вообще же въ нашихъ комнатахъ было тѣсно, неуютно и сыро, и кромѣ того въ нихъ водилось множество мышей и крысъ, не дававшихъ иногда по ночамъ спать. Приходилось изощрять свою изобрѣтательность и изыскивать средства къ уничтоженію надоѣдливыхъ соквартирантовъ. Чаше практиковалась ловля въ голенище сапога. Бросимъ, бывало, туда намазанную свѣчнымъ саломъ бумажку, кусокъ хлѣба и т. п. и слѣдимъ. Крыса, почувявъ съѣстное, ускользнетъ въ импровизированную ловушку, а ловець подбѣгаль къ „холявѣ“ и завязывалъ ее. Нѣкто Корничъ съ особеннымъ удовольствіемъ занимался ловлею крысъ. Разъ, когда онъ убивалъ свою добычу, подходитъ инспекторъ и спрашиваетъ: „Что ты дѣлаешь?“ „Анаѳомирую“, невозмутимо пробасилъ тотъ. Съ того времени это слово и вошло у насъ въ употребленіе.

Кромѣ помѣщеній въ Троицкомъ монастырѣ существовали еще два „номера“ (комнаты) при самыхъ классахъ въ зданіи семинаріи, находившейся на Губернаторской площади. Эти комнаты были лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Въ нихъ помѣщались „избранные“ воспитанники—родственники ректора, архіерея, нѣкоторые изъ письмоводителей, пѣвчихъ и т. п.

Не сладка была жизнь казеннокоштнаго семинариста. Ъли мало, и пища была непитательная: капустнякъ да каша гречневая или ячменная на обѣдъ, кулешъ и каша ячменная на ужинъ; мясо давалось по праздникамъ. Чая и въ поминѣ не было.—Одежда была

¹⁾ Этотъ монастырь обращенъ изъ уніатскаго—базилианскаго.

плохая и выдавалась рѣдко. За весь семинарскій курсъ я получилъ одинъ черный суконный сюртукъ, наглухо застегивавшійся.

Время семинаристы проводили однообразно—долбили только по запискамъ уроки, даваемые профессорами. Книгъ не читали, да ихъ и взять негдѣ было. Семинарская библіотека почти исключительно состояла тогда изъ латино-польскихъ учебниковъ, твореній Св. Отцевъ и старыхъ сборниковъ проповѣдей. Приходилось прибѣгать къ грубымъ развлеченіямъ, въ родѣ попоекъ на чердакахъ и боевъ съ гимназистами или мѣщанами—поляками, которые донимали насъ насмѣшками и прозвищами. Наибольше употребительной кличкой была „кнышъ“. Бывало, идешь по улицѣ въ самомъ благодушномъ настроеніи духа и вдругъ слышишь крикъ: „ядлымъ дзисей такого смачнаго кныша зъ олеей и цибулею“¹⁾. Смотришь, то мѣщанинъ или гимназистъ нагло смѣется по твоему адресу. Одинъ не осмѣливаешься, конечно, вступать въ препирательства и сносишь обиду. Если же шли въ компаніи нѣсколько семинаристовъ, то обыкновенно въ такомъ случаѣ завязывали драку. Иногда устраивали (преимущественно пѣвчіе) большіе бои надъ р. Смотричемъ.

За поведеніемъ и времяпрепровожденіемъ семинаристовъ наблюдали инспекторъ и субъ-инспектора. Отношеніе ихъ, особенно послѣднихъ, къ семинаристамъ было грубое и чисто формальное. Они придирались за всякую малость и часто несправедливы были къ намъ. Въ субъ-инспекторство проф. Виноградова произошелъ такой случай. Семинаристъ Брацлавичъ въ чемъ-то провинился предъ нимъ. Не довольствуясь объясненіями, Виноградовъ призвалъ служителей, чтобы тѣ наказали виновнаго. Брацлавичъ не давался, вырвался изъ рукъ, бѣгалъ по комнатамъ. Наказали его или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ чрезъ нѣсколько дней неожиданно умеръ. Молва упорно обвиняла въ смерти Брацлавича субъ-инспектора. Отецъ умершаго затѣялъ дѣло, которое тянулось долго и ни къ чему не привело. Виноградовъ вскорѣ отказался отъ субъ-инспекторства и остался въ семинаріи профессоромъ исторіи. Но семинаристы не оставляли его въ покоѣ и постоянно досаждали ему надписями кирпичемъ на стѣнѣ: „Корокъ“²⁾ (такое было прозвище Виноградова) убилъ Брацлавича“. Виноградовъ иногда положительно плакалъ и просилъ учениковъ: Пишите уже „Корокъ“, а не пишите: „убилъ Брацлавича“. Неприятности эти сильно дѣй-

¹⁾ Я сегодня ѣлъ такой вкусный кнышъ съ масломъ и лукомъ.

²⁾ Каблукъ.

ствовали на Виноградова, и онъ потомъ сильно опустился и распился. Зачастую онъ пьянымъ являлся въ классъ на уроки, гдѣ и бывалъ предметомъ насмѣшекъ и издѣвательствъ со стороны учениковъ. Такъ однажды семинаристы достали собаку, надѣли на нее фуражку и посадили между собою на парту. Приходитъ Виноградовъ и замѣчаетъ кого-то въ головномъ уборѣ.

— „Ты чего въ шапкѣ?“ напускается онъ. „Скажи урокъ“.

Конечно, по классу слышится смѣхъ. Виноградовъ горячится. „Скажи урокъ“... Эта комедія кончилась тѣмъ, что кто-то щипнулъ собаку, которая стрѣлою выбѣжала изъ класса.

Другой субъ-инспекторъ Войтковкій тоже позволялъ себѣ по отношенію къ семинаристамъ вызывающія выходки и часто несправедливо придирался къ тѣмъ, кого за что-нибудь не взлюбилъ. Въ числѣ подобныхъ былъ нѣкто Булгаринъ, сынъ военнаго священника. Онъ отличался способностями: хорошо пѣлъ, зналъ музыку, даже преподавалъ ее въ частныхъ домахъ, велъ знакомство съ чиновниками и всегда выглядѣлъ щеголемъ. Разъ идетъ Булгаринъ со спѣвки изъ монастыря расфранченный, въ шляпѣ и съ тросточкой въ рукахъ. Въ это время Войтковскій вышелъ изъ своей квартиры на корридоръ въ халатѣ и съ палкою и сбилъ у шедшаго Булгарина съ головы шляпу. Тотъ не выдержалъ и накинулся на обидчика, прижалъ къ дверямъ такъ сильно, что ручка ея врѣзалась въ щеку, и побилъ его. На крикъ выбѣжалъ проф. Оливницкій. Призвали полицейскихъ, которые схватили Булгарина и арестовали. Въ тюрьмѣ онъ пробылъ 2 года. Здѣсь ему жилось хорошо, чему способствовали прежнія связи съ чиновниками. Потомъ его судили, и хоть онъ былъ оправданъ, но карьера была испорчена. Порядочнаго мѣста не могъ найти и бѣдствовалъ. Потомъ онъ сильно распился и отъ пьянства умеръ.

Во главѣ семинаріи стояли ректора. Въ наше время ректоромъ былъ архимандритъ Іоасафъ, бывший до того инспекторомъ Петербургской дух. академіи. Онъ прибылъ, какъ говорили, въ Каменецъ въ 1844 г. очень молодымъ еще человекомъ; былъ красивъ и уменъ, имѣлъ собственную, обширную библіотеку и считался ученымъ, хотя своей учености предъ нами и не обнаружилъ. Чрезъ годъ жизни въ Каменцѣ онъ опустился, обрюзгъ. Постоянно жаловался на свои яко-бы болѣзни, золотуху и еще какую-то; очень много ѣлъ и пилъ и отличался причудами. Въ качествѣ келейника онъ держалъ какого-то Ваню, хромого на одну ногу. Этотъ Ваня было повѣреннымъ его во всѣхъ дѣлахъ, но не всегда держалъ языкъ за зубами. Онъ рассказалъ, что Іоасафъ отличался неразсчит-

ливостію; получить онъ жалованье и кружку, такъ какъ пользовался монастырскими доходами, и бумажныя деньги обычно заложить въ какую-нибудь книгу и забудеть. Келейникъ же замѣчалъ это. Проходитъ нѣсколько времени. У ректора всѣ деньги выходятъ, не съ чѣмъ и за водкой послать. Призываетъ онъ тогда своего келейника и съ сокрушеніемъ открываетъ: „Ваня, денегъ нѣтъ!“...

— „А вотъ, ваше высокопреподобіе, въ книгѣ есть“... беретъ уже извѣстную ему книгу и показываетъ ассигнаціи.

— „Ну хорошо... пошли“... только и скажетъ архимандритъ. Пилъ онъ много. Водка наливалась въ графинъ, какой обыкновенно употребляется для воды. И Іоасафъ не любилъ, когда видѣлъ графинъ неполнымъ. Выпьеть, бывало, цѣлый стаканъ водки, а потомъ отвернется или выйдетъ въ другую комнату; Ваня въ это время незамѣтно долженъ долить графинъ. Зазѣвается Ваня, не долить, о. ректоръ сердится.

Любилъ онъ и вино. Намъ видно было изъ окошка, какъ онъ обѣдаетъ. Ъсть то или другое блюдо и время отъ времени черпаетъ ковшичкомъ, какіе употребляются въ церкви для теплоты изъ большой ядовы, наполненной виномъ, и запиваетъ.

Аппетитъ онъ имѣлъ очень большой и съѣдалъ все, сколько бы ему ни дали, но не жаловался и въ томъ случаѣ, если давали тѣсто съ сыромъ. Несмотря на то, что ректоръ былъ монахъ, онъ ѣлъ мясо, впрочемъ только телятину, индюковъ, куриць и т. п. Воловьяго мяса не употреблялъ и вотъ по какому случаю.

Разъ онъ ѣхалъ по городу и видѣлъ, какъ еврей везъ туши говядины въ казармы и сидѣлъ прямо на мясѣ. Это возмутило о. Іоасафа, онъ долго не могъ успокоиться и все говорилъ: „а онъ сидитъ... а онъ сидитъ“... и съ тѣхъ поръ приказалъ, чтобы ему больше не подавали простого мяса.

Къ семинаристамъ этотъ ректоръ относился хорошо. По обыкновенію къ нему ежедневно ходили на репортъ дежурные. Онъ всегда спрашивалъ ихъ, что дадутъ ѣсть, и всегда неодобрительно отзывался о нашемъ меню, хотя и не могъ сдѣлать какихъ-либо измѣненій въ лучшую сторону. Въ наше время былъ обычай въ недѣлю говѣнія въ теченіе трехъ дней не давать обѣда—ѣли лишь плохую кислую капусту и огурцы съ хлѣбомъ. Ректоръ узналъ и раскричался: „Это что? Чтобы семинаристы не обѣдали?.. Что они монахи что-ли?“ И приказалъ тогдашнему эконому проф. Пашутѣ давать обѣдъ. Помнится еще, что Іоасафъ сократилъ чтеніе молитвъ утреннихъ и вечернихъ сравнительно съ тѣмъ, какъ полагается въ молитвословахъ.

Ректоръ по положенію долженъ былъ преподавать въ богословскомъ классѣ догматику, но Іоасафъ рѣдко бывалъ въ классахъ, а вмѣсто него читалъ догматику его помощникъ. Случилось разъ, когда я былъ въ первомъ богословскомъ классѣ, пріѣзжаетъ Іоасафъ въ своихъ крытыхъ дрожкахъ изъ монастыря въ классы. Привезъ онъ съ собою много книгъ, газетъ, которыя на силу втащилъ. Послѣ обычной молитвы началъ спрашивать учениковъ въ порядкѣ списка. Дошелъ до Бергера. Тотъ вышелъ и началъ отвѣчать о свойствахъ Божіихъ по догматикѣ Антонія. Бергеръ отвѣчалъ хорошо, но на какомъ-то текстѣ сбился и сталъ припоминать. Послѣ непродолжительнаго молчанія Іоасафъ заговорилъ: „Ты Бергеръ?.. Berg—гора... Негг — господинъ... Господинъ горы выходитъ... что, ты нѣмецъ?“

— „Нѣтъ, я православный и родился въ Подоліи“, говоритъ тотъ.

— „Ну, что-жъ, ты не знаешь?“...

А Бергеръ имѣлъ неосторожность сказать: „я, ваше высокопреподобіе, знаю; только одинъ текстъ позабылъ“.

Іоасафъ страшно разсердился и закричалъ не своимъ голосомъ:

— „Вонъ, вонъ... выгнать его... снять съ него казенный скрутокъ... лишить казеннаго содержанія... исключить его“...

Онъ долго нервно вскакивалъ съ своего мѣста, снова садился... Разбросалъ книжки, потомъ рѣзко сказалъ: „читайте молитву“ и пошелъ изъ класса. Въ корридорѣ къ нему подходитъ Бергеръ и проситъ прощенія. Іоасафу видимо понравилось это, и онъ уже мягко заговорилъ: „Ну, ну... хорошо... прощу... прощу... Они боятся меня... они испугались“... Такимъ образомъ, говорили, чрезъ весь городъ ѣхалъ и повторялъ: „они меня боятся“.

Вскорѣ послѣ этого случая онъ былъ переведенъ въ Могилевъ, гдѣ черезъ короткое время и умеръ.

Преемникомъ Іоасафа былъ архимандритъ Евѣимій, горькій пьяница. Пріѣхалъ онъ въ Каменецъ мѣсяцевъ чрезъ 8, когда мы занимались повтореніемъ. Въ классѣ на урокахъ былъ раза 2. Вообще дѣломъ не занимался, пьянствовалъ и надѣлалъ у евреевъ массу долговъ. Жизнь его сдѣлалась извѣстною начальству, и онъ вскорѣ послѣ нашего окончанія семинаріи былъ уволенъ къ великому прискорбію кредиторовъ, потерявшихъ всякую надежду на возвратъ долговъ. Говорили, что Евѣимія вынесли мертвецки пьянаго на „буду“ — повозку и вывезли изъ Каменца въ какой-то монастырь.

Изъ нашихъ профессоровъ лучшимъ былъ Лучицкій, преподававшій словесность въ риторическомъ классѣ. Прежніе воспитанники, характеризуя его, говорили, что это хорошій преподаватель но зато и отличный ругатель. То и другое, дѣйствительно, оказалось справедливымъ. Кто былъ ученикомъ Лучицкаго, тотъ прекрасно зналъ словесность. Къ слушателямъ своимъ онъ не всегда былъ справедливъ. Со мной случилась такая исторія. Разъ Лучицкій спрашиваетъ меня привѣтственную рѣчь архіеп. Георгія Конисскаго императрицѣ Екатеринѣ. „Пресвѣтлѣйшая императрица, оставимъ астрономамъ доказывать“... „Дуракъ... дуракъ“... оборвалъ онъ меня. „Какъ фамилія?“ Ты братъ Ксенофонта К? (который не за долго предъ тѣмъ по настоянію Лучицкаго былъ уволенъ)?“ „Нѣтъ, говорю, только однофамилецъ и даже не родственникъ“.

— „Смотрите; отъ родного брата отказывается... Да онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на того... Пшелъ, дуракъ, на Кавказъ“ (такъ называлась послѣдняя парта).

Послѣ этого онъ какъ будто не замѣчалъ меня и въ теченіе полутора года не спрашивалъ, а снова обратилъ вниманіе по такому случаю. Разъ чрезъ Каменецъ по пути въ Австрію проходили уланы и дѣлали разводъ на Губернаторской площади предъ зданіемъ семинаріи. Уланы проходили поэскадронно: одни на черныхъ лошадяхъ, другіе на гнѣдыхъ, третьи на сѣрыхъ, въ красивыхъ мундирахъ съ пиками въ рукахъ. Невиданное зрѣлище отвлекло отъ занятій не только семинаристовъ, но и ихъ профессоровъ, которые столпились внизу и наблюдали. Я тоже прошмыгнулъ туда и изъ-за нихъ смотрѣлъ. Они не обращали, повидимому, на меня вниманія. Время летѣло незамѣтно. Одинъ изъ профессоровъ, взглянулъ на часы, сказалъ: „Господа, 12 часовъ, пора въ классы“. Всѣ тотчасъ же поднялись на верхъ. У насъ было классъ Лучицкаго, и я, будучи увѣренъ, что онъ не спроситъ меня, прошелъ на площадь и провожалъ улановъ до Тринитарскаго костела, а потомъ, сообразивъ, что скоро часъ обѣда, поспѣшилъ въ свое помѣщеніе. Между тѣмъ Лучицкій хорошо замѣтилъ мою продѣлку. Придя въ классъ, онъ по обыкновенію провѣрилъ записъ отсутствующихъ въ классѣ по списку, подаваемому дежурнымъ. Я, конечно, тамъ не былъ внесенъ.

— „А Ковальскій“? спрашиваетъ профессоръ.

— „Нѣтъ“—отвѣчаетъ дежурный ученикъ Гарнишевскій, бывшій первымъ ученикомъ въ классѣ.

— „Гдѣ“?

— „Боленъ“, отвѣчалъ дежурный. Тутъ послѣдовалъ взрывъ ругани: „Ахъ ты, первая скотина! Ты смѣешь говорить, что онъ

боленъ, да онъ на моихъ глазахъ пошелъ за солдатами, должно быть туда и готовится“...

И досталось же мнѣ потомъ отъ Гарнишевскаго, котораго я подвелъ!..

На другой день прихожу въ классъ. Наканунѣ урокъ по словесности выучилъ, какъ слѣдуетъ. Приходитъ Лучицкій и вызываетъ. Назначено было о поэзіи. Отвѣчаю прекрасно. Онъ слушаетъ внимательно. „Сиди“. Это была лучшая его похвала за отвѣтъ. Остался доволенъ мною и съ того времени снялъ съ меня опалу.

Впослѣдствіи онъ оставилъ службу въ семинаріи и перешелъ въ гимназію. Въ это время подольскимъ владыкою былъ Евсевій, съ которымъ Лучицкій былъ знакомъ еще по академіи. По пріѣздѣ своемъ въ Каменецъ, Евсевій сталъ заставлятъ профессоровъ семинаріи писать и произносить проповѣди. Лучицкій первый воспротивился новому распоряженію. „Что? Я буду подходить подъ благословеніе? одѣвать стихарь? Никогда“... Евсевій, узнавъ объ этомъ, разсердился, а Лучицкій, желая избавиться отъ неприятностей, поступилъ преподавателемъ въ гимназію.

Изъ другихъ профессоровъ Подольской семинаріи въ мое время наиболѣе опытнымъ и даровитымъ былъ Оливницкій („картофляный профессор“), читавшій естественную исторію и сельское хозяйство. Онъ свои лекціи демонстрировалъ на коллекціяхъ, которыя съ любовью составлялъ самъ.—Славился своимъ умомъ и ученостію Троепольскій, умершій въ санѣ епископа. Читалъ онъ у насъ философію и библейскую исторію. Рѣчь его лилась плавно и свободно; но любилъ онъ говорить высокопарно и темно, вслѣдствіе чего никто изъ слушателей его не понималъ, и мы мало получили пользы отъ его учености.

Другіе профессора представляли изъ себя посредственность, занимаясь исключительно чтеніемъ уроковъ по составленнымъ заранее запискамъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже не трудились надъ самостоятельнымъ изложеніемъ своего предмета, а прямо буквально списывали съ книжки и не стѣснялись, когда ученики случайно узнавали, откуда ихъ профессоръ черпаетъ свою премудрость.

Изъ всѣхъ предметовъ семинарскаго курса въ большомъ загонѣ была математика. Ее почти никто не изучалъ и не зналъ. Древніе языки тоже не пользовались особымъ вниманіемъ семинаристовъ. Латинскихъ книгъ, напр., не выдавали на руки, и переводимый текстъ мы сами должны были переписать въ тетрадь.

Контроля за преподаваніемъ профессоровъ почти никакого не было.

Для провѣрки знаній учащихся существовали внутренніе экзамены. Они происходили дважды въ году—передъ Рождествомъ и передъ лѣтними каникулами. На этихъ экзаменахъ почти всегда присутствовали архіереи. Отвѣчать вызывали, впрочемъ, не всѣхъ учениковъ въ классѣ, а по нѣскольку человекъ изъ лучшихъ, среднихъ и худшихъ. Грозою для профессоровъ на этихъ экзаменахъ былъ проживавшій въ Каменцѣ извѣстный В. И. Аскоченскій.

Аскоченскій служилъ въ Каменцѣ совѣстнымъ судьей, а затѣмъ, когда эта должность была упразднена, онъ безъ всякихъ занятій проживалъ въ Каменцѣ вдовый, съ дѣтьми—и терпѣлъ во всемъ большую нужду. Аскоченскій близко стоялъ къ Камен. духовному міру и часто бывалъ у Подольскихъ владыкъ, изъ которыхъ преосвященный Евсеій былъ, кажется, его товарищемъ по академіи и взялъ было его къ себѣ на житье, но впоследствии долженъ былъ разстаться съ Аскоченскимъ изъ-за злого языка послѣдняго. Аскоченскій очень непочтительно и рѣзко отзывался объ Евсеіи и говорилъ про него между прочимъ, что онъ пѣлъ у него въ академическомъ хорѣ, регентомъ котораго Аскоченскій состоялъ, „дрянной теноркой“. Аскоченскій поддерживалъ знакомство и съ городскими чиновниками, начиная съ губернатора, хотя и въ этомъ обществѣ его не терпѣли и относились къ нему съ высокомеріемъ. Припоминаю и теперь еще кое-что изъ его злобныхъ эпиграммъ, пользовавшихся широкимъ распространеніемъ между всѣми слоями Каменецкаго общества и доходившихъ и въ нашъ замкнутый семинарскій мірокъ.

Нѣкто Альчаниновъ, жандармскій полковникъ, женился на дочери какой-то помѣщицы, и почему-то свадьба была въ губернаторской квартирѣ. Въ числѣ гостей на этой аристократической свадьбѣ былъ и Аскоченскій, у котораго вышелъ какой-то непріятный разговоръ съ прокуроромъ палаты, Готовцевымъ. Послѣдній, несмотря на то, что самъ былъ далеко не знаменитаго рода (дѣдъ его, кажется, даже былъ кабатчикомъ) въ разговорѣ презрительно обозвалъ Аскоченскаго кнышемъ, а тотъ отплатилъ ему эпиграммой изъ которой у меня въ памяти осталось нѣсколько слѣдующихъ стиховъ:

Да, я поповичъ, не полякъ,
 Не шляхты хамское отродье.
 Мой вѣчной памяти отецъ
 Не назывался благородьемъ.
 Былъ благородень по дѣламъ,
 А не по шпагѣ и усамъ.

Да, я поповичъ, не полякъ
 Мой дѣдъ виномъ не торговалъ,
 Не разбавлялъ его водицей
 И черезъ винный капиталъ
 Не вышелъ въ люди важной птицей...
 Мой родъ, мое происхожденье:
 Прапрадѣдъ мой за голосъ свой
 Попалъ въ его благословенье...

Дальше никакъ не могу припомнить. Въ ходу была и другая эпиграмма Аскоченскаго, сочиненная имъ на предсѣдателя суда. Фамиліи его я не помню. Знаю только, что онъ происходилъ изъ духовнаго званія и былъ изъ числа тѣхъ выслужившихся чиновниковъ, которые начинали свою службу починою гусиныхъ перьевъ въ какой-нибудь грязной передней одной изъ канцелярій того добраго, стараго времени. Однакожь этотъ господинъ также смотрѣлъ на Аскоченскаго сверху внизъ, а тотъ отплатилъ ему эпиграммой, которая начиналась такъ:

Что ты пыхтишь, какъ въ мѣшкѣ шило, и далѣе:
 Отецъ твой, радѣя о благѣ своего прихода,
 Сбиралъ съ него кныши и выкормилъ тебя урода.

Аскоченскій иногда заходилъ и къ намъ, семинаристамъ, за- просто, поговорить. Бесѣды эти были очень интересны для насъ, такъ какъ отличались живостью, простотою и непринужденностью, почему мы всегда съ удовольствіемъ встрѣчали Аскоченскаго. Также рады мы были появленію его и у насъ на экзаменахъ, такъ какъ хорошо знали что непременно начнется и надолго затянется какой-нибудь нескончаемый ученый диспутъ между самими экзаменаторами, и учениковъ будутъ спрашивать очень мало. Но совсѣмъ иначе встрѣчали появленіе Аскоченскаго на экзаменахъ сами профессора. Остроумный, находчивый, начитанный и отличавшійся тонкой діалектикой Аскоченскій часто въ спорахъ припиралъ ихъ къ стѣнѣ. Нѣкоторые изъ нихъ не хотѣли даже идти на экзаменъ.

Я помню, въ какомъ жалкомъ положеніи очутился, напр., нашъ профессоръ логики и психологій Сирочинскій, который на доводы Аскочинскаго въ концѣ концовъ ничего не могъ возразить и принужденъ былъ замолчать. А дѣло было при архіереѣ. Аскоченскій диспутировалъ даже съ профессоромъ естественной исторіи Оливницкимъ. Такъ, у меня въ памяти остался споръ ихъ о полипахъ. Суть спора, впрочемъ, я забылъ.

Вообще же,—какъ и вездѣ,—такъ и въ средѣ семинарской корпораціи Аскоченскій не пользовался симпатіями за свой непостоянный, взбалмошный характеръ, за свои рѣзкіе отзѣвы, обидныя прозвища, за свою склонность къ насмѣшкѣ, остротамъ и шуткамъ, иногда довольно рѣзкимъ. Среди семинарскихъ профессоровъ былъ нѣкто Пашута, товарищъ Аскоченскаго по академіи, человѣкъ мягкій, скромный, сдержанный и деликатный. Его больше всѣхъ другихъ донималъ Аскоченскій своими шутками и остротами. Пашута страшно обижался, а тотъ не обращалъ никакого вниманія и продолжалъ при всѣхъ вышучивать его. Пашута былъ человѣкъ холостой, занималъ кромѣ профессуры и должность семинарскаго эконома, которая приносила ему 70 руб. въ годъ жалованья, квартиру и полное содержаніе. Какъ человѣкъ болѣе другихъ профессоровъ семинарскихъ обезпеченный и добрый, онъ однажды къ празднику Пасхи прислалъ Аскоченскому куличъ, сала, яиць, кусокъ ветчины и проч. и 3 руб. денегъ.

На второй день Пасхи Аскоченскій пришелъ къ Пашутѣ съ визитомъ. Войдя въ комнату, онъ со слезами на глазахъ сталъ на колѣни, поклонился Пашутѣ и сказалъ: „друже, прости меня! Я виноватъ передъ тобой много, много. А между тѣмъ, въ то время, какъ всѣ отъ меня отвернулись, только ты меня одинъ поддержалъ“. Растроганный поднялъ Пашута Аскоченскаго. Товарищи разговорились по душѣ, чему не мало способствовало и угощеніе съ выпивкой. Впрочемъ, такое настроеніе продолжалось недолго. Къ концу визита своего Аскоченскій снова впалъ въ свой обычный тонъ по отношенію къ Пашутѣ, а тотъ снова началъ обижаться.

Въ качествѣ почетнаго гостя Аскоченскій бывалъ и на публичныхъ экзаменахъ, которые производились обыкновенно 15 іюля. На нихъ присутствовали архіерей, губернаторъ, многія свѣтскія лица, всѣ профессора и учащіеся симинаріи. Испытанію подвергались только „избранные“, лучшіе ученики и то по вопросамъ, заранѣе имъ извѣстнымъ. Публичные экзамены заканчивались пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ.

Главными мѣстными начальниками семинаріи были преосвященные владыки. Но они не одинаково относились къ ней. Архіепископъ Арсевій (Москвинъ) очень радѣлъ о семинаріи, при чемъ слѣдилъ какъ за постановкою учебнаго дѣла, такъ и за внѣшнимъ ея благоустройствомъ. Замѣтивъ, что въ семинаріи обращается преимущественное вниманіе на главные предметы, а второстепенные какъ бы игнорируются, онъ настоялъ на томъ, чтобы и послѣдними занимались, какъ слѣдуетъ. Въ то же время онъ позаботился объ

улучшеніи экономической части и достигъ того, что „семинарія въ первый разъ отъ своего существованія увидѣла щипцы для свѣчей при подсвѣчникѣ“.

Преемникъ его преосвященный Елпидифоръ (Бенедиктовъ) былъ въ Каменцѣ только два съ небольшимъ года. Человѣкъ онъ былъ болѣзненный и, очевидно, тяготился всякими дѣлами. Посѣщалъ семинарію исключительно во время экзаменовъ. Про него и его предшественника семинаристы сложили слѣдующее четверостишіе:

Арсенія за славу
Перевели въ Варшаву,
А Елпидифора за взятки
Сослали въ Вятку.

Носившіеся слухи подтверждали не лестный отзывъ объ Елпидифорѣ. Дѣло въ томъ, что при немъ жилъ родной его братъ Гаврилка (иначе его не звали), находившійся въ послѣднихъ градусахъ чахотки. Преосвященный Елпидифоръ старался всѣми мѣрами скрасить послѣдніе дни несчастнаго и потому всегда выполнялъ всѣ его прихоти. Что бы Гаврилка ни попросилъ, Елпидифоръ дѣлалъ. Этимъ, конечно, воспользовались люди, окружавшіе епископа, и злоупотребляли его слабостію. Пріѣдетъ какой-нибудь дьячекъ, желающій лучшаго прихода или даже домогающійся священническаго сана, является къ архіерейскому письмоводителю и даетъ ему 100 рублей или приводитъ корову, прося устроить дѣло. Письмоводитель дѣйствуетъ на Гаврилку, а послѣдній иногда со слезами умоляетъ брата, и тотъ не имѣетъ твердости отказать въ такой просьбѣ. Преосвященный Елпидифоръ возилъ съ собою Гаврилку и во время поѣздокъ по епархіи. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ по дорогѣ онъ и умеръ. Вскорѣ, говорятъ, по доносу преосвященный Елпидифоръ былъ переведенъ въ Вятку.

Слѣдующій епископъ Евсеій (Ильинскій) тоже часто не посѣщалъ семинарію. Извѣстенъ случай, когда онъ присутствовалъ на урокѣ помощника ректора іеромонаха Іаннуарія (Попова), читавшаго гомилетку и литургику. Іаннуарій (впослѣдствіи епископъ балтскій), хотя и былъ магистръ богословія, преподавалъ свои предметы неумѣло и плохо. Объ этомъ донесли преосвященному Евсеію. Послѣдній для провѣрки неожиданно явился на урокъ Іаннуарія. „О чемъ идетъ урокъ?“—обратился онъ къ нему. Тотъ сказалъ. „Къ слѣдующему дню урокъ заданъ?“ „Заданъ“. „Объясненъ?“ „Да“. „Ну, еще повторите объясненіе“. Іаннуарій долженъ былъ исполнить требованіе епископа, вытащилъ изъ кармана небольшой листочекъ бумажки, на которомъ были, вѣроятно, записаны главные мысли урока, и, въ минуту прочитавъ написанное, остановился.

„Уже все?“ „Все, Ваше Преосвященство“. Евсеvій, остался очевидно, недоволенъ такимъ объясненіемъ урока, нервно походилъ по классу и, не сказавъ ни слова, уѣхалъ.

При преосвященномъ Евсеvіи я окончилъ курсъ семинаріи въ 1853 году.

По окончаніи курса въ семинаріи я и другіе пять человекъ товарищей моихъ стоворились сходить въ Почаевъ на богомолье. Взявши билеты изъ консисторіи, куда отосланы были наши аттестаты, мы въ первой половинѣ іюня отправились въ свое путешествіе. Пока мы были въ предѣлахъ Подольской губ., то, переходя изъ села въ село, встрѣчали повсюду почти самое патріархальное гостепріимство въ домахъ священниковъ, особенно тамъ, гдѣ были дочери невѣсты. Одной изъ первыхъ остановокъ нашихъ было село Скотыняне Каменецк. у. Мы зашли къ священнику Іосифу Сливычу. Здѣсь была моя нареченная, такъ какъ я засватался, будучи еще въ послѣднемъ классѣ семинаріи. Случилось это такъ. Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ семинаріи о. Сливычъ предложилъ мнѣ заниматься съ его сыномъ, учившимся въ духовномъ училищѣ. Я согласился. Занятія наши продолжались успѣшно къ удовольствію родителей ученика, которые и пригласили меня, безпріютнаго, провести у нихъ рождественскія каникулы. Здѣсь я познакомился съ ихъ дочерью, которая очень понравилась мнѣ, какъ по наружности, такъ и по спокойному, ровному характеру и по хозяйственности. Задумавши сдѣлать ей предложеніе, я письмомъ вытребовалъ свою сестру, дьячиху Снѣжинскую, такъ какъ въ то время считалось неприличнымъ молодому человеку самому объясняться съ дѣвицей или съ ея родителями насчетъ питаемыхъ къ ней чувствъ и своихъ матримоніальныхъ намѣреній. Сестра пріѣхала и сдѣлала предложеніе, и я объявленъ былъ женихомъ. Въ домѣ моей невѣсты меня съ товарищами по путешествію приняли очень радушно, угостили хорошо, да и на дорогу дали хлѣба, курицу и сала и вывезли за село.

Мы сдѣлали складчину по 3 рубля съ человека, выбрали изъ своей среды экономомъ Доценко и вручили ему всю свою казну. На его обязанности лежало покупать для насъ продукты: хлѣбъ, молоко и яйца. Въ Волынской губ. намъ также оказывали гостепріимство, хотя и не такое, какъ на родинѣ.

Причиною тому былъ, между прочимъ, и недородъ хлѣба въ томъ году. И вслѣдствіе этого мы иногда вынуждены были обращаться за оказаніемъ помощи къ мѣстнымъ священникамъ, такъ какъ въ иномъ селѣ ни за какія деньги нельзя было достать хлѣба или другого съѣстнаго. Въ с. Чашовкѣ мы не могли купить ни-

чего и отрядили одного изъ своихъ товарищей Корчинскаго къ батюшкѣ. Ждемъ, ждемъ... нѣтъ его. Проходитъ часъ, два, три... Ъсть страшно хочется. Послали товарищи меня, и я застаю такую картину. Въ полутемномъ и прохладномъ амбарѣ сидятъ священникъ Прокоповичъ и нашъ Корчинскій, передъ ними недопитое „око“ водки („око“—штофъ), сало съ чеснокомъ и хлѣбъ.

Очевидно хорошо имъ было здѣсь сидѣть и угощаться, и они совершенно позабыли про пятерыхъ голодныхъ людей. Усадилъ о. Прокоповичъ и меня и началъ усиленно потчевать. Но я, выпивъ чарку, другую, сталъ просить отпустить насъ скорѣе и дать хлѣба. О. Прокоповичъ далъ намъ булку и сказалъ, что это послѣдняя у него.

Въ слѣдующемъ селѣ Бѣлозеркѣ судьба была къ намъ милостивѣе, и мы не только достали хлѣба, но и сметаны съ земляникой. Здѣсь собралось около насъ много народу, такъ какъ насъ приняли за чеховъ, странствующихъ музыкантовъ, благодаря волосянымъ, толстымъ чебукамъ, представившимися любопытной деревенской публикѣ музыкальными духовыми инструментами. Здѣсь же мы почувствовали страшное утомленіе отъ сдѣланнаго пути. На ногахъ, обутыхъ въ совершенно неприноровленные къ дорогѣ сапоги, оказались сильныя ссадины и мозоли. Поэтому наняли мы за 1 р. 50 к. до м. Вышневецъ длинный возъ („васагъ“), выстлали его хорошо соломой, усѣлись всѣ шестеро и поѣхали далѣе. А въ Вышневецахъ сдѣлали продолжительную остановку почти на сутки тѣмъ болѣе, что день былъ праздничный. Путешествовавшій съ нами сынъ майора Вефель куда-то пропалъ, но къ полудню возвратился и весело объявилъ намъ, что выигралъ 2 рубля и тутъ же угостилъ насъ хорошимъ обѣдомъ. Вышедши изъ Вышневецъ, мы вскорѣ увидѣли лавру. Радости нашей не было конца. Мы всѣ были юноши религіозные. Чувство глубокой вѣры—простой, безхитростной, но горячей—было прочно зажжено въ нашей душѣ. При всѣхъ недостаткахъ нашего воспитанія, оно отличалось тѣмъ, что велось людьми безусловно вѣрующими и любящими церковь православную и все церковное. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при видѣ величественныхъ лаврскихъ церквей и колоколенъ, равныхъ которымъ мы доселѣ еще не видѣли, насъ захватило умиленно-восторженное религіозное настроеніе. Со слезами на глазахъ упали на колѣни и усердно начали молиться. Въ лавру мы поспѣли къ вечернѣ, за которой также молились съ сугубымъ усердіемъ, умиленные неспѣшною, чинною церковною службою и стройнымъ пѣніемъ лаврскаго хора. Вышедши отъ вечерни, мы не знали, куда дѣваться. Выручилъ насъ монахъ-землякъ, который очень обрадовался намъ. По его просьбѣ намъ отвели болѣе чистое помѣщеніе

въ частномъ домѣ „за дорогой“. Благодаря случаю о нашемъ прибытіи въ Почаевъ узналъ высокопреосвященный Арсеній, бывший архіепископъ Подольскій, а теперь Варшавскій и Новочеркасскій, управляющій Волинской епархіей. Епархію эту дали въ управленіе высокопреосвященному Арсенію изъ личнаго уваженія къ нему и, такъ сказать, для кормленія, такъ какъ въ Варшавской епархіи епископъ кромѣ жалованья не имѣлъ никакихъ доходовъ. Въ Волинской же епархіи архіерей получаетъ третью часть лаврскихъ доходовъ, что составляетъ очень солидную сумму, особенно для того времени.

Владыка приказалъ намъ явиться къ нему на другой день, и во исполненіе этого приказанія мы въ назначенный часъ были въ архіерейскихъ покояхъ.

Большая пріемная комната архіерейскихъ покоевъ была наполнена просителями разныхъ возрастовъ и сословій, что было вполне понятно, такъ какъ владыка только изрѣдка наѣзжалъ въ Волинь. Насъ скоро позвали въ другую комнату, куда къ намъ вышелъ владыка въ камилавкѣ и подрясникѣ. По обычаю того времени, мы поклонились ему въ ноги. Получивши отъ него благословеніе, мы съ удивленіемъ услышали отъ него ласковое: „садитесь“. Намъ не вѣрилось, что это говоритъ строгій владыка Арсеній, гроза и трепеть подвѣдомственнаго духовенства. Мы не смѣли садиться и стояли. „Да садитесь же“—снова повторилъ владыка уже настойчиво и строго. Онъ началъ насъ спрашивать обо всемъ съ большими подробностями. Съ удовольствіемъ вспоминалъ о службѣ своей въ Подоліи, которую (Подолію) называлъ „блаженною“. „Вы счастливы, говорилъ онъ намъ, у васъ тамъ просторъ. Мѣстъ много, а кандидатовъ мало. А здѣсь меня все время осаждаютъ семинаристы изъ-за мѣстъ, а мѣстъ и нѣтъ“. Милостиво распростился съ нами владыка, далъ намъ по просфорѣ и приказалъ хорошо насъ кормить и содержать. На прощанье снова были у него—по его же приказанію. Владыка далъ каждому изъ насъ по литографированному своему портрету, а мы поклонились ему нѣсколько разъ въ ноги. Возвратившись съ богомолья, направился я въ домъ своей невѣсты. Скоро сыграли и свадьбу. Затѣмъ дали мнѣ 45 р. на рукоположеніе и отправили въ Каменецъ.

Въ сентябрѣ меня рукоположили къ церкви с. Иванковецъ Хребтіевскихъ Ушицкаго у. во священника.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

